

А.В.Евглевский, Н.М.Данилко

КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС ПОЛОВЕЦКОГО ВРЕМЕНИ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ДНЕПРА

Тема культовых комплексов поздних кочевников, получивших в литературе наименование половецких святилищ, время от времени получает новое развитие, подтверждением чему является серия публикаций в данном сборнике. Сегодняшний всплеск внимания у исследователей определяется не только в связи с раскопками новых памятников, но и в результате все возрастающего интереса к их культурной функции. Это проявляется в углублении в типологические нюансы изваяний и конструктивные особенности половецких святилищ¹, в прояснении территориального рассредоточения их в восточноевропейских степях и т.д. Все этому в немалой степени способствует и улучшение методики раскопок археологических памятников.

Курганная группа “Новоалександровка” состояла из трех насыпей, находившихся на высоком правом берегу Каховского водохранилища в Нововоронцовском районе Херсонской области (рис.1). В 1990 г экспедицией под руководством Г.Л.Евдокимова были исследованы все три кургана. Половецкое святилище обнаружено на кургане 3, расположенном в 50 м к югу от кургана 1. Насыпь круглая в плане, поверхность задернована, диаметр – 40 м, высота – 3,5 метра. На вершине установлен реперный знак с отметкой 1941 г, уплощенная площадка которого окружена (судя по чертежу общего плана кургана) квадратной формы выемкой, почему-то названной авторами отчета ровиком. В кургане исследовано 11 погребений эпохи бронзы (6 – ямной, 4 – катакомбной, 1 – бабинской культуры) и половецкое святилище (рис.2) (Евдокимов Г., 1990).

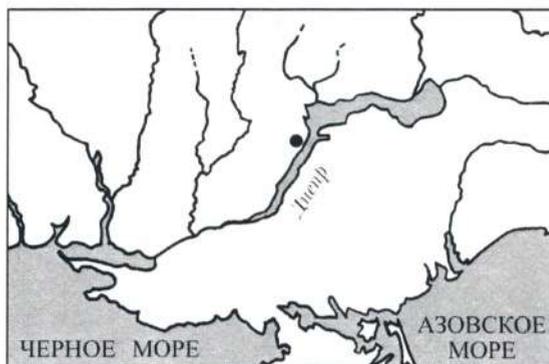

Рис. 1. Карта местонахождения курганной группы у с.Новоалександровка.

Fig. 1. A map of the location of the barrow group near Novoaleksandrovka village

Стратиграфия и конструктивные особенности святилища

Половецкий комплекс в виде ямы-котлована впущен в центр кургана. Прямо над ним установлен геодезический знак, который расположен на несколько возвышающемся своеобразном островке для придания ему устойчивости. Вокруг этой платформы хорошо заметна просадка грунта (названная авторами отчета ровиком), которая произошла то ли в результате установки геодезического знака, то ли после позднего проникновения в святилище. Не исключено, что просадка грунта – результат сооружения котлована-ямы для изваяний (рис.2, 2, 3).

Котлован для изваяний представляет собой квадратную в плане яму с размерами у поверхности – 3,9×3,9 м, у дна – 3,2×3,2 метра². Углами

¹ С содержательной стороны термина “святилище” в контексте данного памятника мы не совсем согласны, но сейчас, с точки зрения типичного введения его в научный оборот, нет особого смысла подвергать критическому анализу этот терминологический штамп, не отказываясь от использования в статье.

² Здесь и далее мы использовали метрические данные из отчета, которые не всегда соответствуют размерам, определяемым по масштабу.

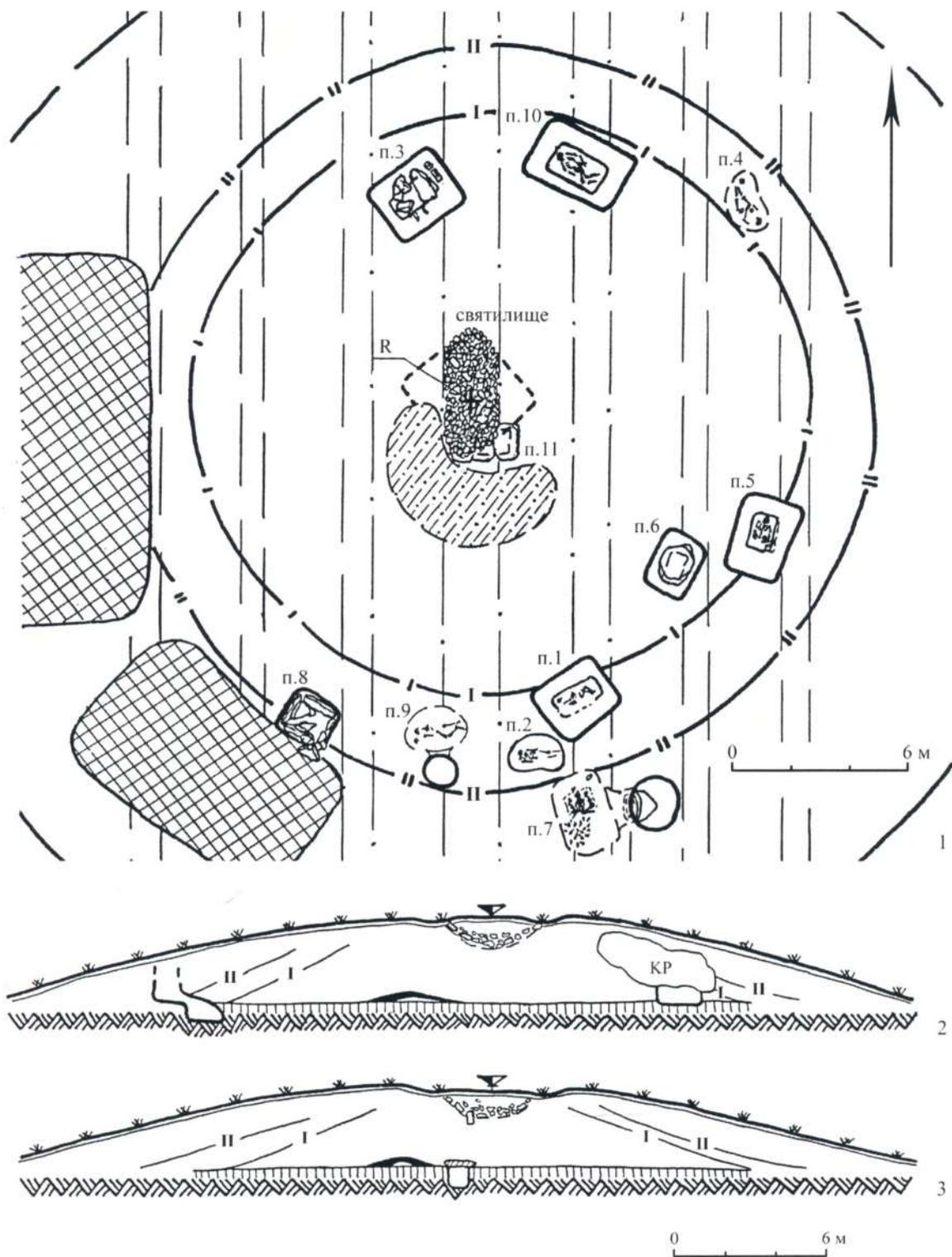

Рис. 2. Курган 3 у с.Новоалександровка: 1 – общий план; 2 – центральная бровка западная сторона; 3 – центральная бровка восточная сторона.

Fig. 2. Barrow 3 near Novoaleksandrovka village: 1 – the general layout; 2 – the western side of the central edge; 3 – the eastern side of the central edge

яма ориентирована строго по сторонам света; ее глубина – 1,4 м (рис.3). В центральной части ямы по линии северо-запад – юго-восток были вертикально установлены четыре каменных изваяния, обращенные лицами на северо-восток (рис.3, 1). Основания скульптур находились в специальных ямках глубиной 0,45 м, выкопанных в дне ямы-котлована (рис.3, 2).

Яма была вымощена камнями, причем, судя по разрезу, в ней было выложено не только дно котлована, но и его стенки, защищавшие таким образом площадку-дно от осыпания грунта (рис.3, 2). Два северо-западных изваяния установлены в одну прямоугольную яму размером 1,0×0,3 м, поэтому расстояние между этими скульптурами составило всего 0,2 метра. В 0,6 м к юго-востоку от двух первых в яме размером 0,6×0,35 м стояло третье изваяние, а еще дальше по линии, в 0,7 м от третьего изваяния, в яме размером 0,6×0,2 м – четвертое. Авторы отчета указывают, что основание четвертого изваяния подclinено мелкими камнями (Евдокимов Г., 1990), но непонятно, почему не были подclinены остальные изваяния? То ли сотрудники экспедиции не обратили должного внимания на заполнение ямок для остальных изваяний, то ли устроители культового комплекса не сочли необходимым это сделать. Опираясь на конструктивные особенности ямок под изваяния в других половецких святилищах, первая версия выглядит более вероятной. Впрочем, изваяния могли и не фиксироваться основательно в ямках, потому, что устроители святилища, очевидно, не отводили ему долгое функционирование.

К сожалению, авторам раскопок не удалось зафиксировать стенки ямы, поэтому они показаны на полевых чертежах пунктиром наклонно, спускаясь к площадке (рис.3, 2).

Скорее всего, так было и в действительности, поскольку в этом случае достигалась устойчивость каменной обкладки стенок. Яма котлована была забутована камнями, что может свидетельствовать о полной изоляции комплекса, очевидно, самими устроителями святилища, ибо это подтверждается не только имеющимися соответствующими исследованиями, но и нашим пониманием чертежей памятника. На уровне 0,2 м от дна ямы-площадки в центральной ее части, с тыльной стороны изваяний, совершена тризна, представленная костями двух коней. На этом же уровне обнаружена отбитая голова от крайнего – юго-восточного изваяния 4. На уровне 0,5 м выше дна, среди камней забутовки, найдено туловище изваяния 4 (кроме ног, оставшихся вместе с постаментом), голова изваяния 2 (второго с северо-запада), череп коня в северной части святилища, несколько костей коня и две каменных ножки жертвенного столика³.

Описание изваяний

Описание изваяний логично дать с северо-запада на юго-восток, т.е. в том порядке, в каком они были пронумерованы на общем плане ямы-котлована в отчете (рис.3, 1)⁴.

Изваяние 1. Скульптура разбита на две части в районе локтей. Несмотря на это, ее сохранность можно считать вполне удовлетворительной. Во всяком случае, на изваянии прослеживаются буквально все детали иконографии и изображений. Изваяние представляет собой скульптуру мужчины-воина, стоящего типа, фигура показана на фоне плоскости монолита, относится к группе полуюбъемных скульптур, для которой характерны объемно проработан-

³ Принадлежность этих ножек позднекочевническому времени сомнительна. Во всяком случае, подобных находок в половецких святилищах и, шире, в памятниках поздних кочевников еще не было.

⁴ Важно оговориться, что мы пока не располагаем информацией о месте хранения изваяний, а поэтому преимущественно вынуждены опираться на черно-белые фото, сделанные вскоре после раскопок. Комплект рисунков четырех изваяний, выполненных художником киевского Института археологии, ощутимо искажает их реальный облик, хотя и чувствуется именно рука художника, а не просто чертежника. Рисунки фаса, профиля и тыльной стороны изваяний выполнены столь противоречиво, что мы были вынуждены детально разобрать все замеченные расхождения. Но, несмотря на всю погрешность рисунков, у них есть и неоспоримые плюсы. Это воспроизведение тех деталей и демонстрация профилей, которые невозможно в полной мере разглядеть на черно-белых фотографиях. Также рисунки дают возможность показать реконструкции (соединенные вместе части изваяний), а еще, как это не покажется в нашей ситуации странным, проанализировать видение современным художником образа тюрка-кочевника, передачу выражения лица, пластику камня.

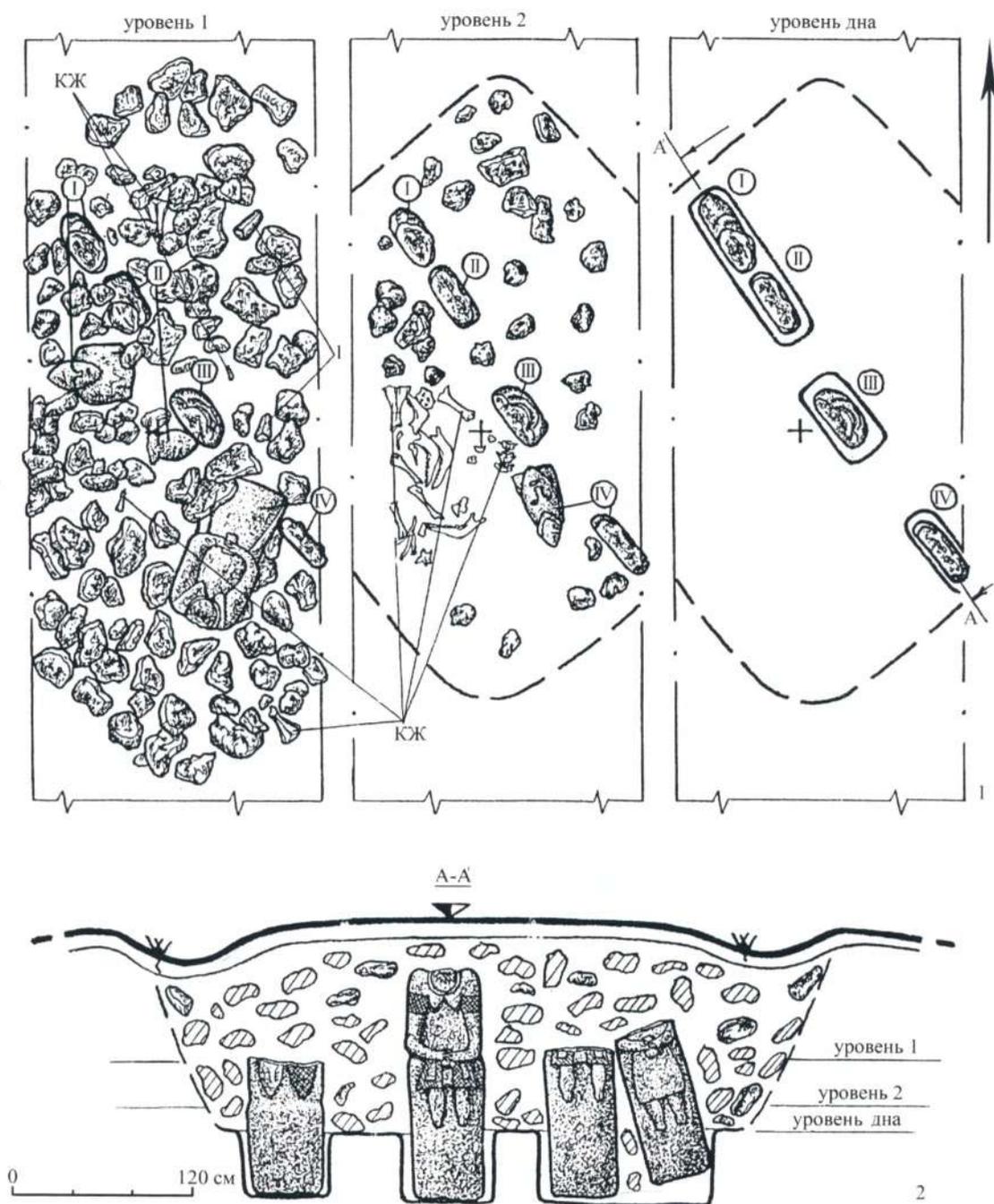

Рис. 3. Святилище кургана 3 у с.Новоалександровка: 1 – общий план ямы-котлована; 2 – разрез ямы-котлована.

Fig. 3. The sanctuary of barrow 3 near Novoaleksandrovka village: 1 – the general layout of the pit-ditch; 2 – the section of the pit-ditch

ные руки с лицевой стороны и совершенно не проработанные с тыльной (рис.4).

Голова отчетливо выделена из монолита, посажена на короткую шею. Лицо объемное, округло-овальное, с ушами, показанными изящно, – в виде запятой. Брови дуговидные; глаза изображены в виде миндалевидных выпуклостей. Нос короткий прямоугольный с вогнутым основанием. Усы короткие с изгибом в центре и загнутыми кверху концами. Рот показан в виде выпуклого овала, соединенного в единую композицию с усами. Щеки и подбородок округлые. На голове изображен шлем (рис.4, 1).

Художник по-разному прорисовал шлем в фас, профиль и с тыльной стороны. Поэтому, несмотря на то, что при первом взгляде складывается впечатление о полусферической форме шлема, тем не менее, критически оценивая эти рисунки, а также фото, приходим к выводу, что он сфероконический⁵. Шлем состоит из четырех секторов-пластин, скрепленных в основании околышем. Околыш с лицевой стороны и в профиль орнаментирован в виде косой сеточки, а на тыльной стороне – косой насечкой (рис.4, 1). Вряд ли тот или другой орнамент был на вертикальных полосах-пластинах, соединяющих сектора шлема, как это показано на рисунке тыльной стороны изваяния. Во всяком случае, на известных нам шлемах, изображенных на изваяниях, орнамент на пластинах отсутствует.

Из-под шлема на хорошо выровненную мастером плоскую спину свисают параллельно расположенные друг к другу три косы. Центральная коса длинее боковых, что хорошо видно на фото, но на рисунке художника она не дорисована. Но, если относительно шлема у нас есть некоторые сомнения (в основном, в плане его формы), то с косами все предельно ясно. Хотя художник нарисовал три косы, тем не менее, создается впечатление, что изображено четыре-пять кос, настолько неудачно они переданы тенями. Об этом свидетельствует и фото (рис.4, 4).

Плечи покатые узкие, хорошо выражены; торс сужается кверху. На рисунке изображены массивные мужские груди, обычно присущие

пожилому грузному мужчине. Однако, не видя самого изваяния (а фото, к сожалению, не дает четкого представления), полагаем, что художник в своем желании продемонстрировать реальность образа, скорее всего, просто принял типичные для данного типа изваяний круглые нагрудные бляхи за изображения грудей. Живот также выглядит на рисунке несколько искаженным – округлым и расширяющимся, что на самом деле не так. Своим повышенным стремлением к натурализации образа художник вводит в заблуждение и относительно изображения на животе пупа, показав его двумя черточками. Однако это не соответствует иконографическим особенностям подобного круга изваяний. Руки сложены в статичной позе под животом, с лицевой стороны изваяния они объемные (округленные), со спины не показаны. Угол изгиба в локтях практически прямой. В руках – сосуд-банка, сужающаяся кверху, с выраженным венчиком. Кисти расположены на сосуде в горизонтальном положении; пальцы сложены вместе, большой палец поднят вверх. Ноги относительно туловища непропорционально короткие, изображены в высоком рельефе, ступни выставлены перпендикулярно плоскости монолита. На ногах – сапожки с острыми носками и халявами, изображенными в виде двух поднятых вверх уголков. Воин одет в длинный кафтан, на предплечьях которого показаны нашивки или вышивки в виде орнамента косой сеточкой (рис.4, 1).

Постамент является продолжением плиты-фона, но мастер никак не выделил ту его часть, которая должна была предназначаться для вкопа. На фото хорошо видно, что подножки для ног нет.

Общая высота изваяния – 1,7 м, высота фигуры без постамента – 1,4 м, толщина основания – 0,12 м. Размеры головы: высота – 0,7 м, ширина – 0,45 м, толщина – 0,2 м (рис.4).

Изваяние 2 мужское, в неудовлетворительном состоянии (сохранились лишь два больших фрагмента головы, а также ноги с подолом кафтана и постаментом). Изображение ног на фоне постамента свидетельствует, что изваяние (судя по аналогии с первым) относится к типу

⁵ Примечательно, что внушительная часть шлемов на половецких изваяниях в фас, профиль и с тыльной стороны выглядит так, что можно легко ошибиться в определении формы. Часто они показаны приземистыми, поэтому их нередко путают с полусферическими шапочками. Другое дело шлемы на наиболее поздних изваяниях, которые выглядят действительно полусферическими.

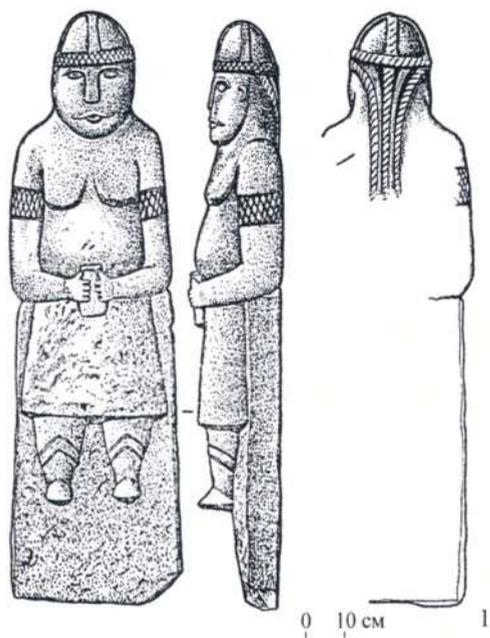

Рис. 4. Изваяние 1 из святилища кургана 3 у с.Новоалександровка.

Fig. 4. Statue 1 from the sanctuary of barrow 3 near Novoaleksandrovka village

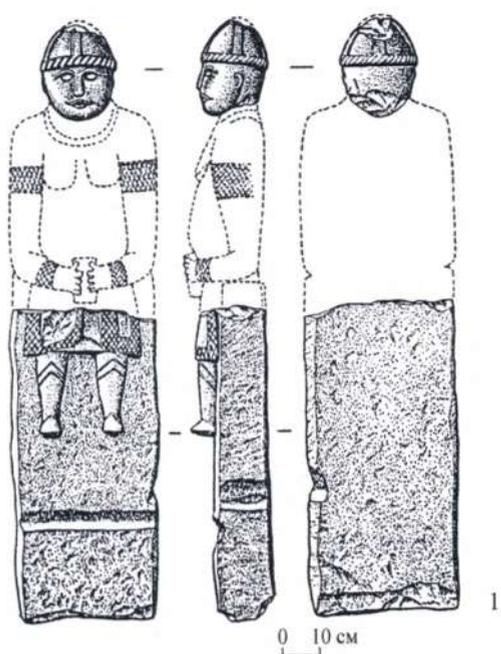
стоящих⁶, а объемность головы – об общей объемности изваяния, для абриса которого характерна отчетливо выделенная из монолита голова, посаженная на короткую шею (рис.5).

Голова сохранилась хорошо, просматривается в деталях, практически идентична голове первого изваяния. Лицо объемное, округлое. Уши показаны изящно – в виде запятой. Брови дуговидные. Глаза изображены в виде миндалевидных выпуклостей. Нос короткий прямоугольный с горизонтальным основанием. Усы короткие, дуговидные, с загнутыми вверх концами. Рот – в виде выпуклого овала (нижней губы-валика) с небольшим углублением в центре, соединен с усами в единую композицию. Щеки и подбородок округленные.

На голове показан сфероконический шлем, состоящий из четырех секторов-пластин, склепанных между собой вертикальными полосками-пластинами, в свою очередь охваченных окольшем, орнаментированным косыми насечками. Вершина шлема отбита, поэтому, как и в случае с первым изваянием, может сложиться впечатление о его полусферической форме (рис.5, 1).

О косах, плечах и животе, естественно, говорить не приходится из-за отсутствия соответствующих частей изваяния, но, опираясь на многочисленные аналогии изваяний стоящего

⁶ Поскольку не сохранился торс изваяния, то нельзя полностью исключить и того, что оно может относиться к полусидящему типу.

типа, можно предположить, что они, видимо, во многом были близки вышеописанному изваянию 1. Однако, несмотря на всю предполагаемую аналогичность с предыдущим мужским изваянием, реконструкцию деталей, показанную художником, следует признать недопустимой. Речь идет об изображении нашивок/вышивок на предплечьях, гривны, формы сосуда и особенно груди, которую вообще не показывали на мужских изваяниях в кафтанах, не говоря уже об отсутствии на мужских изваяниях в тюркской иконографии столь реалистичных женских грудей. Можно лишь с полной уверенностью говорить о статичном положении рук, держащих сосуд, так как во всех без исключения случаях такая позиция характерна для полуобъемных и объемных типов восточноевропейских изваяний. Ноги относительно торса непропорционально короткие, показаны в высоком рельефе. На них хорошо просматриваются сапожки, халявы которых оформлены в виде двойных углов, поднятых кверху; ступни изображены под прямым углом к плоскости монолита. Сохранившаяся нижняя часть изваяния позволяет судить об одежде воина. Это длинный кафтан, края пол и подола которого украшены орнаментом в виде косой сетки. Постамент, предназначенный для вкопа изваяния в землю, обозначен мастером горизонтальным выступом значительно ниже ног (рис.5, 1). Подножки нет.

Рис. 5. Изваяние 2 из святилища кургана 3 у с.Новоалександровка.

Fig. 5. Statue 2 from the sanctuary of barrow 3 near Novoaleksandrovka village

Размеры головы: высота – 0,35 м, ширина – 0,25 м, толщина – 0,23 м. Размеры сохранившейся нижней части изваяния: высота – 1,15 м, ширина – 0,5 м, толщина – 0,2 м, высота от низа основания до ступней – 0,7 м (рис.5).

Изваяние 3 женское, стоящего типа. Голова отсутствует, но, судя по аналогиям этого типа изваяний, она, очевидно, была отчетливо выделена из монолита и посажена на короткую шею. Фигура показана на фоне, она объемная, т.е. руки проработаны с лицевой и тыльной сторон; рельеф изображений лицевой стороны – высокий, с тыльной – низкий (рис.6).

Торс сужается книзу, поэтому и без того непропорционально короткие ноги (как и на других изваяниях) здесь кажутся совсем маленькими. На груди изображены ожерелье с подвесками геометрических форм (ромбы, прямоугольники и, возможно, другие фигуры)

и гладкая гривна (рис.6, 1). Не исключено, что художник мог не увидеть перевитости гривны, а по фото это трудно определить (рис.6, 2). Нижняя часть живота заметно выделена. Авторы отчета указывают, что на животе показан пуп в виде ямки (углубления), однако вряд ли это так, поскольку ямка находится слишком высоко от реального места, где мог бы быть пуп. На ногах изображены сапожки с халявами в виде поднятых кверху уголков, орнаментированных косой сеткой (рис.6, 1). Руки объемные, угол изгиба в локтях тупой. На запястьях показана орнаментированная окантовка косой сеткой. Руки сложены под животом в статичной позе, держат сосуд – банку с выделенным венчиком. Кисти расположены на сосуде в горизонтальном положении, пальцы раздвинуты, большой отогнут вверх.

Женщина одета в разрезной расходящийся кафтан. Рукава и подол украшены орнаментом в виде косой сеточки. Также орнаментированы и окантовки рукавов, хотя авторы отчета ошибочно приняли их за “орнаментированные браслеты” (Евдокимов Г., 1990). На тыльной стороне изваяния изображена лопасть, в нижней части которой находится кисточка в виде ромба. Лопасть также орнаментирована косой сеткой. Подножка под ноги отсутствует.

Размеры изваяния: высота – 1,6 м, ширина – 0,45 м, толщина не указана, высота постамента – 0,95 м, высота от основания до ступней – 0,55 м (рис.6).

Изваяние 4 женское. Несмотря на то, что изваяние, по меньшей мере, разбито на четыре части, имеет другие повреждения, его сохранность можно считать вполне удовлетворительной, поскольку детали костюма не утрачены. Изваяние стоящего типа, показано на фоне, полуобъемное (руки объемно проработаны с лицевой стороны, но не проработаны с тыльной); рельеф изображений с лицевой стороны высокий, на тыльной – низкий (рис.7).

Голова объемная, отчетливо выделена из монолита, но без шеи, подбородок находится на уровне плеч. В округлых ушах видны кольцеобразные серьги с напускной бусиной (рис.7, 3). Лицо вытянуто-овальное, близкое к грушевидной форме. Брови дуговидные. Глаза показаны в виде миндалевидных выпуклостей. Нос короткий прямой с горизонтальным основанием. Округлые щеки плавно переходят

в массивный подбородок. Рот длинный в виде дуги со слегка приподнятыми кверху концами, что создает впечатление улыбки (рис.7, 1, 2).

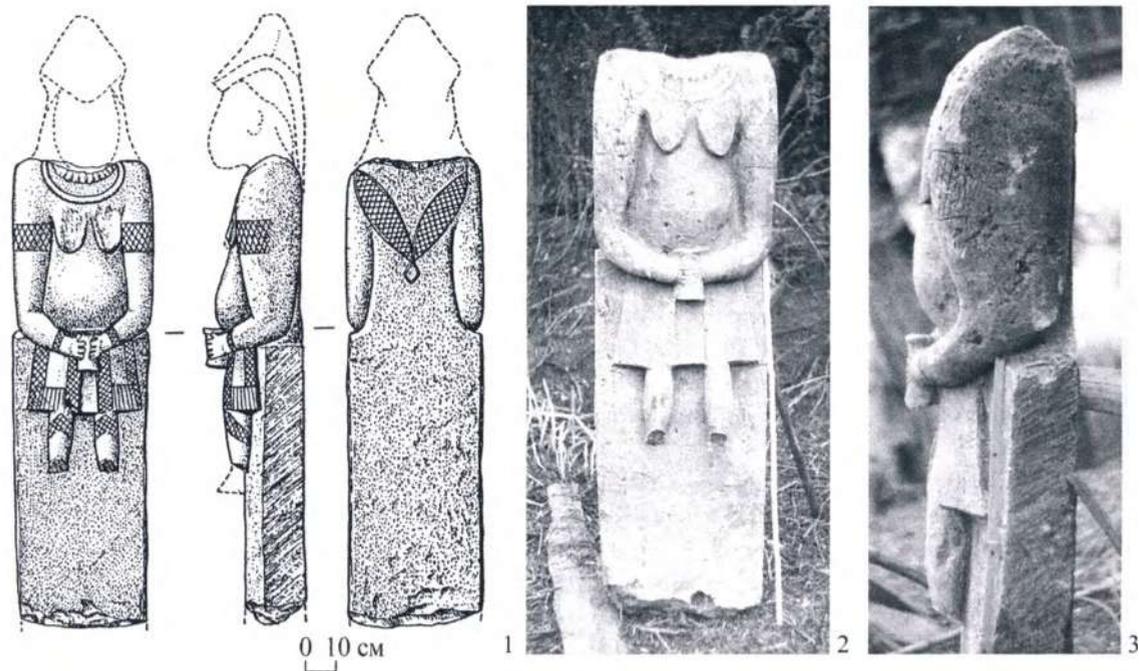
Головной убор изображен в виде низко опущенного на лоб клиновидного козырька и спускающейся на спину лопасти. Последняя украшена по краям орнаментом в виде косой сеточки и увенчана на конце ромбовидной формы кисточкой. На лопасти чуть выше плеч – две ромбические пряжки. Женщина одета в длинный кафтан, рукава и их окантовки украшены нашивками/вышивками в виде косой сеточки.

Плечи отчетливо выражены, узкие, покатые, со стороны спины кажутся лишь слегка намеченными. Груды подтреугольной формы. Выше них изображено ожерелье с подвесками геометрических форм и витая гривна. Живот в профиле находится на одном уровне с сосудом, но в фас показан довольно объемным, расширяющимся в нижней части. Руки с лицевой стороны объемные, со спины не проработаны, угол в локтях прямой. Кисти расположены на сосуде горизонтально, пальцы соединены, большой отогнут кверху. Ноги относительно торса непропорционально короткие, показаны в высоком рельефе. На ногах – сапожки с халявами, орнаментированными косой сеткой (рис.7, 1). Ступни отбиты.

Высота изваяния – 1,8 м, ширина – 0,5 м, толщина в области живота – 0,3 м. Постамент, предназначенный под вкоп, отбит, из-за чего невозможно говорить о наличии подножки, отсутствующей на остальных изваяниях (рис.7).

Обобщающий анализ изваяний

Типологические признаки изваяний (абрис, фон, рельеф, объемность и поза). Для всех четырех изваяний характерны следующие единые черты: абрис, наличие фона в нижней части изваяния, стоящая поза, высокий рельеф, единый стиль и технические приемы. По С.А. Плетневой, изваяния 1, 2 и 4 относятся к типу II: “исполненные двумя приемами: верх – круглая скульптура, низ (подол и ноги) – барельеф или горельеф. Спина плоская, обычно без деталей...”, а изваяние 3 – к типу III, подтипу б, к которому “относится круглая объемная скульптура... II абриса – с плечами на уровне подбородка” (Плетнева С.А., 1974, с.61). Полагаем, что но-

новоалександровские изваяния 1, 2 и 4 следует выделять в отдельный тип, промежуточный между типами II и III по типологии С.А.Плетневой. Типология изваяний у Г.А.Федорова-Давыдова еще более обобщенная, без выделения признака "степень объемности" в качестве типобразующего (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.166-186). Несравненно более разветвленная типология представлена у Л.С.Гераськовой, но признак "степень объемности" в ее классификационной системе изваяний практически не учтен (Гераськова Л.С., 1991, с.34-53).

Три изваяния (1, 2 и 4) мы относим к типу полуобъемных, для которых характерна объемность верхней лицевой части изваяний и плоская спина, не считая изображений кос и лопастей, не влияющих на представление об объемности изваяний. Изваяние 3 мы относим к объемному типу, для которого характерны проемы между руками и торсом. Но называть подобные скульптуры круглыми, как это делает С.А.Плетнева, нельзя, поскольку нижняя часть фигуры изваяния показана на фоне, т.е. ноги с тыльной стороны не показаны вообще. Все четыре новоалександровских изваяния, судя по фото и рисункам, выполнены в высоком рельефе, одном стиле и, вероятно, изготовлены одними и теми же техническими приемами. Можно предположить, что они принадлежат работе одного мастера.

Рис. 6. Изваяние 3 из святилища кургана 3 у с.Новоалександровка.

Fig. 6. Statue 3 from the sanctuary of barrow 3 near Novoaleksandrovka village

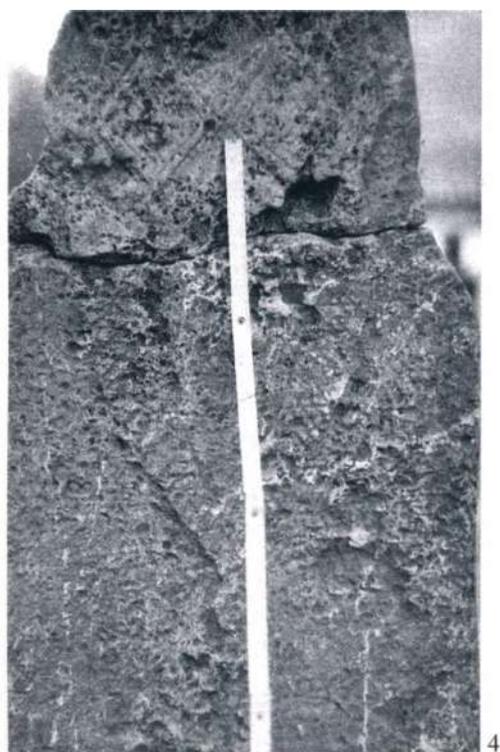
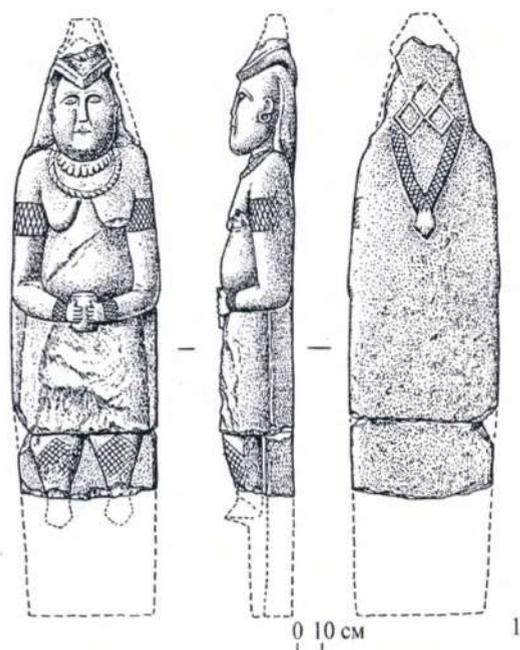

Рис. 7. Изваяние 4 из святилища кургана 3 у с.Новоалександровка.

Fig. 7. Statue 4 from the sanctuary of barrow 3 near Novoaleksandrovka village

Не вписывается в единую типологическую схему лишь объемность изваяния 3, у которого в отличие от остальных трех (у которых спина совершенно плоская) с тыльной стороны проработаны руки, причем эта проработка – не простое оконтуривание рук, что свойственно для более ранних типов изваяний, а объемная их демонстрация. Здесь мы видим полную округлость рук, которую оформляют ярко выраженное широкое углубление вдоль руки (от локтей до подмышек), а также вырез (проем) под локтями, что в совокупности хорошо выделяет изящную узкую женскую талию (рис.6, 4). Таким образом, эта женская скульптура ощутимо объемнее остальных. К сожалению, именно изваяние 3 оказалось единственным в комплексе, у которого не сохранилась голова. Возможно, на ней мы бы увидели и другие расхождения с тремя остальными скульптурами комплекса, может быть, не столь важные для типа, но зато интересные с точки зрения индивидуальных черт лица.

Постаменты. Этому признаку изваяний в публикациях традиционно уделяется минимальное внимание. Но постаменты при анализе их отдельных признаков (высоты, ширины, толщины, формы и т.д.) также дают определенную информацию, тем более, если речь идет о группе изваяний из одного памятника. Постаменты новоалександровских изваяний

при всей их, казалось бы, утилитарной функции и, следовательно, отсутствия у ваятеля особой необходимости наделяния их строгими параметрами, практически идентичны, что является еще одним, пусть и косвенным, аргументом в пользу изготовления изваяний одним мастером.

Обратим внимание и на отсутствие у всех четырех постаментов подножек для ног, в результате чего фигуры как бы висят в воздухе. К сожалению, проследить этот признак на массовом материале и сопоставить с нашими изваяниями более сложно, чем особенности верхних частей скульптуры, поскольку огромное количество изваяний в свое время были повалены и разбиты. Причем разрушения изваяний бывают столь большими, что постаменты нередко вместе со ступнями и с подножками остаются в кургане не найденными. Во многих случаях подножки, как одни из наиболее уязвимых частей изваяния, просто отваливались при их транспортировке к месту хранения. Но даже если отделенный постамент был привезен в музей, то при работе исследователя в фондах его часто очень проблематично идентифицировать с верхними частями изваяния.

Шлемы в рамках исследования половецкой скульптуры выступают одной из основных опор при датировании, прежде всего потому, что в отличие от других предметов, изображенных на изваяниях, они показаны гораздо крупнее и объемнее, а значит, чаще сохраняют более детальную информацию. Правда, и шлемы нередко находятся в поврежденном состоянии, ведь голова – это наиболее уязвимая часть изваяния при его перемещении с места на место. Кроме того, именно голова оказывалась в центре внимания противников идолопоклонничества и современных вандалов. Да и у самих средневековых тюрок, хранителей культа предков, голова изваяния также подвергалась различным повреждениям, но уже с обрядовой целью освобождения души человека из камня (Гуркин С.В., 1991, с.110; Ермоленко Л.Н., 1994; 2004, с.65-67; Гугуев Ю.К., 2001, с.80; и др.). К сказанному добавим, что рисунки, фотографии и текст отчета (как мы указывали при описании изваяний) сильно противоречат друг другу, а потому вынуждены подробно проанализировать доступную полевую документацию относительно выяснения типов шлемов. Например, рисунки шлема изваяния 1 сильно различаются во многих интересующих нас

нюансах. В частности, на рисунке в фас правый сектор шлема показан как сфероконический, а левый – полусферический. На тыльной стороне он однозначно выглядит полусферическим, а в профиле – полуяйцевидным (рис.4). При этом в профиле его передняя часть показана заметно смещенной вперед, чего на реальных средневековых шлемах никогда не было.

Указанные расхождения рисунков относительно формы шлема этим не исчерпаны. На шлеме показана и разная орнаментация околыша. В фасе и профиле последний украшен кривой сеточкой, а на тыльной стороне – простыми наклонными насечками (рис.4, 1). Впрочем, та или иная орнаментация околыша не влияет на отнесение шлема к определенному типу, но на его культурную принадлежность может указать.

Но у рисунков есть и плюсы. Так, например, несмотря на их искаженность, они в отличие от фото, на которых невозможно рассмотреть детали, свидетельствуют, что шлемы изваяний были склепаны из четырех секторов и имеют орнаментацию на околыше. Кроме того, художник передал форму шлемов во многом в соответствии увиденному им на фото или непосредственно на изваяниях. Во всяком случае, наше восприятие формы шлема изваяния 1 (за исключением выше отмеченных откровенных искажений) по фото оказывается примерно таким же, как это показано на рисунках. В фасе он выглядит сфероконическим, на тыльной стороне – полусферическим, а в профиле – полуяйцевидным (рис.4). Ясно, что ваятель специально не пытался показать шлем именно так, просто он, очевидно, не придавал большого значения его форме с разных сторон. Кроме того, мастер, видимо, зависел от общей степени объемности изваяния, неравномерной с лицевой и тыльной сторон. Шлем изваяния 2, в отличие от первого, показан почти идеально, во всяком случае, последовательно и симметрично.

Несмотря на указанные противоречия, создается впечатление, что шлемы на обоих изваяниях типологически, а значит и хронологически, близки. То есть их форма по совокупности черт и с учетом стесанных вершин, очевидно, сфероконическая. Если наши предположения верны, тогда их можно объединить в один или близкие типы с двумя шлемами из святилища Первомаевка-1, к.4 (Свдокимов Г.Л., Куприй Н.М., 1991, с.266, мал.2), хотя форму тульи последних можно назвать и как приземисто-конической.

Некоторые сомнения не покидают нас лишь потому, что полусферические шлемы известны на стоящем типе скульптуры. Такой шлем, например, (если верить рисункам из отчета экспедиции; фото отсутствует) изображен на изваянии из святилища Астахово-I, к.4 (Евдокимов Г.Л. и др., 1975). Если бы это было именно так, тогда дату мужских изваяний и обоих святилищ можно было бы сдвинуть ближе к 1-й четв. XIII в., а типологически более поздние, чем новоалександровские, изваяния из святилищ необходимо было бы сдвинуть в золотоордынское время, хотя для некоторых изваяний и святилищ это не лишено некоторых оснований, но по другой причине. Так как шлемы на новоалександровских изваяниях мы предлагаем считать сфероконическими, то наше святилище логично датировать в рамках 2-й пол. XII в. – нач. XIII в.

Примечательно, что шлемы, состоящие из 4 секторов-пластин, в каталоге половецких изваяний С.А. Плетневой представлены только полусферическими наголовьями, которые у исследовательницы выделены в вариант б тип II. Изваяний с такими шлемами в ее каталоге всего 4, в то время как полусферических цельнокованных – 28 (Плетнева С.А., 1974, с.26, рис.6). Возможно, это означает, что на многих изваяниях из-за механических повреждений и природных факторов (выветривание, прорастание на изваяниях мха и лишайника) секторы на шлемах не были замечены художниками и на рисунках изображены гладкими, цельнокованными. Впрочем, 4-секторные полусферические шлемы не встречаются в погребениях не только половецкого времени, но и вообще у восточно-европейских средневековых кочевников. Зато в погребениях есть шлемы, склепанные из четырех секторов других форм: сфероконической (Цимлянск-III, к.1, п.2) и куполовидной (Маяк-II, к.3, п.1; Столбовое к.1, п.3; Лебеди-VI, к.1, п.8; Кривуша к.1, п.1).

Женские головные уборы. Поскольку голова на фото у изваяния 3 отсутствует, то невозможно наверняка сказать: сделал ли художник реконструкцию на основании сохранившихся мелких фрагментов, или же он ориентировался на второе женское изваяние, у которого, хотя и не полностью, но сохранился головной убор. Конечно, такая гипотетическая реконструкция в археологии не практикуется, но в качестве версии ее можно принять, особенно учитывая

то, насколько много общих черт наблюдается у двух женских изваяний. О возможном близком сходстве головных уборов могут свидетельствовать, например, лопасти, изображенные на спине обоих изваяний. Правда, показаны эти лопасти несколько по-разному. На изваянии 3 края лопасти изображены в виде удлинённых овалов, а на изваянии 4 в виде узких лент. Однако в обоих случаях лопасти украшены орнаментом в виде косой сетки и ромбовидной кисточкой на конце (рис.6, 7). Вряд ли будет выглядеть слишком смелым предположением то, что на изваянии 3 ниже затылка была такая же пара ромбовидных украшений, как и на изваянии 4. Если это было именно так, то на головах обеих женщин, запечатленных на изваяниях, вероятно, были надеты практически одинаковые головные уборы, что, в свою очередь, может относить их к одной социовозрастной категории. Примерно так считает и С.А. Плетнева (1974, с.38). Подкрепляет такую версию идентичный набор нагрудных украшений, состоящий из ожерелья (судя по находкам в погребениях, в том числе и, очевидно из лазуритовых подвесок), гривны, нашивки/вышивки на предплечьях и даже оформление халая сапожек в виде орнамента косой сеткой. Отличаются на изваяниях типы кафтанов, но они могут быть не более, чем синхронными разновидностями.

Нашивки/вышивки на кафтане. Кафтаны на полах, подолах и рукавах на половецких мужских и женских изваяниях нередко украшены нашивками/вышивками в различном орнаментальном исполнении. С.А. Плетнева вкратце дала им обобщенную характеристику и отразила на таблице 5 распределение по половецким объединениям (Плетнева С.А., 1974, с.35). Добавим, что эти нашивки/вышивки примерно в три раза чаще встречаются на женских изваяниях, чем на мужских, но, главное, наибольшая их концентрация (вне зависимости от позы, абриса, объемности, иконографии и прочих показателей изваяний) приходится на Нижнее Приднепровье, где, по С.А. Плетневой, кочевали приднепровские и лукоморские половцы (Плетнева С.А., 1974, с.35). Чем дальше к востоку, тем меньше встречаемость изображений нашивок/вышивок на изваяниях. Так, их очень мало в Северо-Восточном Приазовье, и совсем нет в Предкавказье и Поволжье. Это означает, что традиция украшать кафтаны нашивками/вышивками пришла

от ближайших западных или северо-западных оседлых соседей кочевников. С.А.Плетнева (ссылаясь на Н.П.Кондакова, 1892) пишет: “нашивки на рукавах (клавы), сделанные из яркой богатой ткани, были своеобразным знаком отличия византийских вельмож и воинов. Из Византии обычай украшать рукава перешел на Русь и, очевидно, отсюда же (из Византии) был заимствован половцами” (Плетнева С.А., 1974, с.35). Не имея никаких оснований сомневаться в происхождении этих украшений одежды и их знаковой сути, вкратце остановимся на нашивках/вышивках, расположенных на рукавах, тем более, что этот вопрос еще не становился предметом специального исследования. Именно в верхней части рукавов находим наибольшее разнообразие орнаментальных мотивов кафтанов.

Относительно изображений нашивок/вышивок на кафтанах новоалександровских изваяний отметим, что они показаны мастером не только на всех четырех изваяниях, в одном орнаментальном исполнении и одинаковой ширины, но и на одном уровне – в верхней части рукавов. Такие украшения кафтанов в перспективе их изучения, может быть, смогут пролить некоторый свет на этносоциальный состав восточноевропейских кочевников половецкого времени. То, что такое предположение вполне реально, нас убеждает отсутствие взаимовстречаемости различных вариантов нашивок/вышивок на изваяниях в одном святилище. Кроме того, они, возможно, окажутся хорошим территориальным определителем при поиске первоначального, района изготовления изваяний, разбросанных по музеям без паспортов.

На сегодняшний день количество изваяний с изображением нашивок/вышивок в верхней части рукавов превышает 100 экз. (у С.А.Плетневой в каталоге из числа поданных рисунков – 45), а вариативность их орнамента не менее 20. Такая источниковая база в перспективе позволяет соотнести различные варианты нашивок/вышивок с типами изваяний. Зато уже сейчас можно говорить, что относительно пола они не распределяются по вариантам, о чем свидетельствуют публикуемые нами изваяния из Новоалександровки (два мужских и два женских), на которых показаны абсолютно одинаковые нашивки/вышивки с орнаментом в виде косой сеточки. Идентичные новоалександровским нашивки/вышивки в виде косой сеточки (но

только сдвоенные на каждом рукаве) имеются на мужском и женском изваяниях из святилища у с.Выводово (Пустовалов С.Ж., 2012, рис.6, 9). Совершенно одинаковым зигзагообразным орнаментом украшены нашивки на обоих мужских изваяниях из святилища Первомаевка-1, к.4 (Свдокимов Г.Л., Куприй Н.М., 1991, с.267, мал.4, 4). Но, к сожалению, проверить данное наблюдение на массовом материале нет возможности, поскольку, во-первых, исследовано не так много святилищ, где обнаружены два или более изваяний, а во-вторых, из-за нередко неудовлетворительной сохранности изваяний в святилищах случаев нахождения орнаментов на рукавах кафтанов крайне мало. Там же, где изображения рукавов на изваяниях в той или иной мере сохранились, нашивок/вышивок часто просто нет (Астахово, к.4 и др.). Интересны и другие наблюдения относительно них. Так, все варианты нашивок, кроме одного – в виде косой сеточки, обнаруженного, по меньшей мере, на 20 изваяниях (преимущественно на женских), представлены всего лишь по одному разу. Если орнаментированные нашивки показаны исключительно на изваяниях стоящего типа, то без орнамента присутствуют как на стоящих, так и на сидящих. Возможно, неорнаментированные нашивки были сделаны из тканей разных цветов, и таким образом достигался необходимый результат разграничения изваяний по определенным группам (а таких известно не менее чем 30 экз.). Изображения нашивок, показанных на изваяниях без орнамента, только кажутся однообразными. На самом деле они, возможно, были раскрашены в определенные цвета (чего, правда, до сих пор не замечено при обнаружении изваяний), или на рукавах могли быть повешены разноцветные повязки. Зато раскраска лиц исследователями отмечалась неоднократно (Гуркин С.В., 1991, с.105; Корневский С.Н. и др., 1988, с.109).

Сосуды. У трех новоалександровских изваяний хорошо прослежены сосуды, которые представляют собой несколько сужающиеся кверху банки со слегка выраженными венчиками. Но если банка у изваяния 4 очень похожа на 1 вариант 1 типа типологии посуды на изваяниях, разработанной С.А.Плетневой (1974, с.50, рис.23, 1), то вариант банки на изваяниях 1 и 3 отсутствует в ее типологии. Не нашли мы их и на рисунках изваяний не только в ее каталоге, но и в типологических схемах сосудов, изобра-

женных на изваяниях у других исследователей (Кубарев В.Д., 1984; Ермоленко Л.Н., 2004). То есть, их нет и среди типов посуды на изваяниях азиатской части распространения последних, что, впрочем, следовало ожидать. От анализа сосудов на наших изваяниях, с точки зрения их встречаемости в погребениях, мы пока воздержимся ввиду обычной сильной их схематизации в европейском массиве тюркской скульптуры.

Порода камня. На сегодня уже нет необходимости доказывать исключительную важность выбора мастером породы камня при изготовлении определенного типа изваяний. Но, к сожалению, авторы отчета новоалександровского святилища ни для одного изваяния не указали не только породу камня, но и цвет, структуру, технику изготовления, степень рельефности изображений, особенности повреждения монолита и изображений. Поэтому приходится это определять исключительно по рисункам и фото, по стилю и стилистике изображений, что совсем не просто. Но достаточно уверенно можно говорить и о том, что все четыре изваяния были изготовлены из одного вида породы, о чем свидетельствует характер проработки рельефа.

При отсутствии точных данных о породе камня, тем не менее, у нас есть еще один аргумент в пользу того, что изваяния были изготовлены из мягкой породы, скорее всего, из песчаника. Речь идет об абрисах двух изваяний (мужское 1 и женское 4), у которых головы не были отбиты. Головы у них посажены на крайне короткие шеи, а подбородки находятся на уровне плеч. По типологии С.А.Плетневой, эти изваяния относятся ко второму типу абриса, для которого характерно использование мягких пород камня (Плетнева С.А., 1974, с.55). В противном случае тщательная проработка выделенных из монолита деталей головы (головного убора, украшений, кос, лопастей от шляп, тонких деталей лица), хотя и возможна, но будет весьма затруднительна. Кстати, схожесть или полная идентичность подавляющего большинства значений признаков у всех четырех изваяний позволяет отнести к тому же абрису и те два изваяния (2, 3), у которых головы были отбиты.

Метрические данные. Необходимо отметить примерно одинаковую высоту трех изваяний, которая колеблется от 2,10 до 2,25 м, включая высоту постаментов. Лишь изваяние 1 имеет высоту всего 1,7 м, что, возможно,

объясняется молодостью мужчины, запечатленного в камне. Во всяком случае, крайне редко встречаемые изваяния детей и подростков всегда изготовлены в ощутимо меньших размерах, чем изваяния взрослых. Но это вовсе не значит, что для предков преклонного возраста изваяния высекались крупнее остальных взрослых, ведь их рост существенно не отличается.

Высота первых трех не выбивается из средней высоты изваяний европейского массива, и этот показатель, хотя и косвенно, но в совокупности с остальными признаками указывает на их относительно более раннюю дату по сравнению с некоторыми типами поздней скульптуры сидящего типа, высота у которых вместе с постаментом, нередко значительно превышает 3 м (некоторые изваяния из Днепропетровского исторического музея). Но повторяем, в таких метрических соотношениях нет строгой закономерности, а только тенденция.

Аналогии и датировка

Новоалександровское святилище по способу его устройства на кургане относится ко второму типу святилищ, выделенных в свое время С.В. Гуркиным (1989, с.39-43), т.е. установленных в глубоких ямах, в которых изваяния были скрыты от обзора за пределами насыпи кургана. Этот тип святилищ не имеет устойчивого территориального размежевания с другим типом святилищ, устроенных на вершинах курганов. Кратко остановимся лишь на единственной близкой аналогии – святилище Астахово, курган 4.

Публикация этого, не совсем удачно раскопанного, кургана осуществлена А.В.Комаром (2009). Однако она посвящена комплексу хазарского времени. Половецкому же святилищу, впущенному в курган, возведенный в хазарское время, уделено минимальное внимание, в той лишь степени, без которой нельзя было обойтись при анализе стратиграфии и конструктивных особенностей памятника. В результате форсированных раскопок и публикации М.Л.Швецовым (1979) искаженных иллюстраций этого святилища, вопрос о его конструктивных особенностях оказался, если так можно выразиться, в состоянии крайней запутанности.

На наш взгляд, принципиальным отличием новоалександровского святилища от астаховско-

го является то, что в конструкцию последнего входили каменные панцирь и подквадратной формы площадка, окруженная округлой оградкой. Относительно ямы-котлована, где в новоалександровском комплексе были установлены изваяния, то не факт, что в Астахово не было подобной. Просто центр кургана в Астахово оказался разрушен поздним проникновением, возможно, поэтому яма-котлован не прослеживается. Все остальные элементы памятников расходятся в принципиальных деталях. Так, в Новоалександровке изваяния были установлены по линии северо-запад – юго-восток, а в Астахово – по линии север – юг с небольшим отклонением на восток. Мужские изваяния в Астахово также были поставлены рядом, но только в двух центральных ямках. Какие изваяния были установлены в двух крайних ямках, к сожалению, осталось неизвестно, настолько мелкие фрагменты остались от изваяний, помещенных в них. Возможно, в этих ямках стояли женские скульптуры. Лица изваяний из обоих святилищ были направлены в восточный сектор небосвода, с той лишь разницей, что астаховские изваяния стояли строго на восток, а новоалександровские на северо-восток.

К сожалению, авторам раскопок астаховского святилища удалось реконструировать только два из четырех изваяний (оба мужских) и только их тыльные стороны. Но даже такая скудная информация позволяет говорить о типологической близости астаховских и новоалександровских мужских изваяний. Два астаховских изваяния, как и все 4 новоалександровских, относятся к стоящему типу. На тыльной стороне, по крайней мере, одного из них, намечены руки, что позволяет поставить его в типологическом смысле между тремя изваяниями из Новоалександровки с непроработанными руками на тыльной стороне и женским изваянием 3 со значительно более проработанными руками, чем у астаховского. Кроме общей схожести в объемности, в пропорциях, размерах изваяний, а также формы постаментов, у сравниваемых изваяний типологически близки шлемы (если отвергнуть полусферическую форму одного из них).

В качестве аналогий изваяний новоалександровского святилища вызывают интерес два памятника на Нижнем Днепре (Херсонская обл.). Это святилища у с.Львово на правом берегу Днепра с одним мужским изваянием и у с.Пер-

вомаевка на левом берегу с двумя мужскими изваяниями. Они очень близки между собой как по конструктивным особенностям святилищ, так и по найденным в них изваяниям, но, к сожалению, все три изваяния, обнаруженные там, разбиты на много мелких частей. Впрочем, сохранились ключевые фрагменты, которые позволяют соотнести их со скульптурами из Новоалександровки. Так, изваяние из Львово практически идентично мужскому изваянию 2 и типологически близко остальным трем изваяниям из Новоалександровки. Все различия между изваяниями из Львово и Новоалександровки сводятся к признакам, не относящимся к типобразующим (наличие подножки под ступнями, вещей на поясе и нашивок/вышивок на рукавах). Напомним, что к типобразующим мы относим абрис, объемность, позу и иконографию скульптур.

Одной из наиболее интересных черт святилища является парность изваяний. Во-первых, в святилище обнаружены по два мужских и женских изваяния. Во-вторых, изваяния расставлены в яме-котловане по половому принципу: мужские (если смотреть в восточный сектор небосвода) слева, а женские справа. Более того, мужские изваяния были вкопаны в одну ямку. В-третьих, кроме схожих канонических, иконографических, стилистических и прочих общих признаков и норм изготовления изваяний, мужские и женские изваяния имеют свои черты парности. В частности, хотя мужские лица имеют индивидуальные черты, тем не менее, в манере и стиле изображений угадывается если и не родственность, то, по крайней мере, одна рука мастера или, как вариант, группа мастеров-камнетесов, объединенных едиными навыками и нормами воплощения образа умершего. О парности в вещевом наборе изваяний (шлемах и нагрудных украшениях) мы писали в соответствующих разделах. Такие сопоставления можно было бы расширить, но, к сожалению, сотрудникам экспедиции не удалось собрать все фрагменты изваяний.

В тех случаях, когда в половецких святилищах в одной яме-котловане обнаружено более одного изваяния, исследователи обычно считали их синхронными как с точки зрения изготовления изваяний, так и относительно установки их на кургане. Однако рассмотренные нами особенности новоалександровских изваяний и характер их нахождения в яме-котловане по-

зволяют несколько разграничить изготовление и установку скульптур во времени.

Поскольку изваяния находились в одном комплексе, можно сказать, что все они изготовлены в одно время. Об этом свидетельствуют следующие черты, присущие (за исключением отдельных деталей) всем четырем изваяниям: абрис, поза, степень объемности, наличие фона, типологически близкие на мужских изваяниях шлемы и лопасти на женских головных уборах, близкие формы сосудов, схожие метрические характеристики, отсутствие подножек для ног. Однако важно еще понять, насколько изваяния синхронны между собой, какова степень их типологического единства и закономерность нахождения вместе.

Как мы уже писали в разделе о типологических признаках, есть один нюанс, который (если не брать в расчет изобразительные особенности, касающиеся принадлежности к полу изваяний) не позволяет провести между всеми изваяниями комплекса типологическую тождественность. Речь идет о том, что из общей схемы выпадает женская скульптура 3, установленная в яме-котловане к юго-востоку от двух мужских. У изваяния руки с тыльной стороны проработаны также объемно, как и с лицевой. Этот признак позволяет считать изваяние 3 относительно более поздним по сравнению с остальными тремя (полуобъемными, т.е. с плоскими тыльными сторонами) скульптурами памятника. Так как данный факт не подлежит сомнению, то в таком случае необходимо объяснить нахождение относительно позднего изваяния 3 не только в одном святилище с тремя полуобъемными скульптурами, но и факт установки между ними.

Напомним, женское изваяние 3 установлено в яме-котловане святилища не с одного из краев ряда, а в средней ямке – между двумя мужскими с одной стороны и женским с другой. Такое его расположение говорит о том, что изваяние 3 не было вставлено в яму позже остальных, не являлось своеобразным “подселением” к ранее установленным. Следовательно, напрашивается мысль, что в рамках одной небольшой группы кочевников в какой-то промежуток времени сосуществовали, как минимум, два типа скульптуры, в частности, оба способа демонстрации

тыльной стороны изваяний – плоской спины (не считая свисающих с головного убора лопастей) без изображения рук и изваяний с объемными со всех сторон руками. Однако одинаковый уровень помещения в яму-котлован всех четырех изваяний, как факт синхронного или относительно синхронного установления, как минимум, трех (не считая крайнего мужского изваяния 1) изваяний, вовсе не означает, что они были изготовлены в какой-то очень ограниченный период времени. Изваяние 3 было изготовлено относительно позже остальных, хотя вряд ли промежуток времени между ними превышал интервал жизни одного мастера, иначе попадание всех четырех изваяний в один комплекс было бы маловероятным.

Мы предполагаем, что самым поздним в яму-котлован было установлено северо-западное мужское изваяние 1, которое находилось в одной ямке с другим мужским изваянием 2, практически вплотную друг к другу. Крайнее изваяние 1 не стоит на дне ямы, а находится чуть выше остальных, т.е. на небольшом слое грунта, и наклонено в сторону рядом стоящего изваяния 2, по сути, завалено на него (рис.3, 2)⁷. Поэтому нетрудно догадаться, что если и происходила не синхронная, а последовательная установка изваяний в яму-котлован, то это, скорее всего, осуществлялось в северо-западном направлении. Но последовательной установке остальных трех изваяний (2-4) в святилище противоречит, как было указано выше, абсолютно одинаковая (-0,45 м) глубина ямок для постаментов. Настораживают только предельно аккуратные и ровно наведенные на чертеже дно и стенки ямок и до сантиметра одинаковая их глубина, что, возможно, так и было в реальности. Значит, логично предположить, что изваяния 2-4, очевидно, установлены единовременно или почти одновременно.

Однако нельзя полностью исключать и несколько иной сценарий очередности установки изваяний, иную направленность, то есть с северо-запада на юго-восток. Так, первым изваянием, помещенным в яму-котлован, могло быть мужское изваяние 2, затем поставили женское изваяние 3, позже – женское изваяние 4 и, наконец, когда потребовалось найти место мужскому изваянию 1, то определение стороны размещения изваяний в силу тех или иных

⁷ Для половецких святилищ это первый зафиксированный случай нахождения в одной ямке двух изваяний.

причин изменилась, и было принято решение (вероятно, спешное) установить его в одну яму с мужским изваянием 2.

Опираясь на характер помещения новоалександровских изваяний (как и во многих аналогичных случаях) в сооружении и исследования (Ермоленко Л.Н., 1994; 2004; Гуркин С.В., 1989, с.40; 1991, с.107, 110; Евглевский А.В., 1996, с.221) можно считать, что данный тип святилищ, устроенных на курганах в глубоких ямах-котлованах, являлся кратковременным (одноразовым) культовым объектом. В противном случае, как объяснить факт установки изваяний настолько глубоко, что даже их головы находились ниже насыпи кургана, следовательно, не были обзримы за ее пределами?

В свете изложенных нами мыслей относительно временного интервала формирования святилища, логично предположить, что изваяния какое-то время находились вне святилища, выполняя присущие им функции в рамках культа предков, и лишь в силу наступления “момента необходимости” устроители обряда перевезли их на курган и поставили вместе. При этом не следует понимать, что ко времени устройства святилища изваяния свозились из разных мест. Они могли стоять вместе, или недалеко друг от друга в специально отведенных местах.

Что касается абсолютной датировки памятника, то пока по этому поводу можно высказаться только в самых общих чертах, опираясь не столько на изученность половецких святилищ, их конструктивные особенности и характер функ-

ционирования (опубликована примерно десятая их часть), сколько на относительную датировку типов изваяний, разработанную исследователями (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.166-186; Плетнева С.А., 1974; Гераськова Л.С., 1991). С учетом наших поправок, абрис, объемность, поза и иконография новоалександровских изваяний позволяют отнести их ко 2-й пол.ХІІ в., а время завершения функционирования комплекса ко 2-й пол.ХІІ – нач.ХІІІ века. С приходом монголов кочевники прекращают (как обычно считают исследователи, хотя это, на наш взгляд, и не бесспорно) сооружать святилища. Произошло ли сокрытие (“захоронение”) изваяний в связи с приходом монголов, или же это было сделано до того, но после окончания функционирования объекта верхние части изваяний были отбиты и повалены, а яма плотно забита камнями и грунтом.

Новоалександровский комплекс, как и аналогичный ему по конструкции и количеству изваяний астаховский, можно отнести к одному из поздних разновидностей подобных культовых памятников поздних кочевников. На поздний период их сооружения указывает такой косвенный признак, как наличие четырех изваяний. В святилищах обычно устанавливалось по одному, реже – два изваяния и лишь в двух известных нам случаях (Новоселовка, к.2 и Новое, к.3) по три⁸. Правда, тенденция увеличения с течением времени количества устанавливаемых изваяний в святилищах на европейском массиве хотя и прослеживается, тем не менее, это не выглядит обязательным условием.

Литература и архивные материалы

- Гераськова Л.С., 1991. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. К.
- Гугуев Ю.К., 2001. Половецкое святилище необычной конструкции на Северском Донце// Донская археология. №№ 3-4. Ростов-на-Дону.
- Гуркин С.В., 1989. К вопросу о семантике половецких святилищ// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1988 году. Тезисы докладов к семинару. Азов.
- Гуркин С.В., 1991. Святилище половецкого времени с каменным изваянием на Нижнем Дону// Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1990 году. Вып.10. Азов.
- Евглевский А.В., 1996. Культовое захоронение половецких каменных изваяний в святилище на Мечетном поле в Донбассе// Древние культуры Восточной Украины. Луганск.

⁸ В кургане 2 из Новоселовки третье изваяние было в отдалении от двух первых, что можно объяснить как факт “подзахоронения” или подбрасывания изваяний. А в кургане 3 из Нового изваяния обнаружены во рву.

- Евглевский А.В.**, 1998. Семантика распрявленных гривен в контексте погребального обряда кочевников Восточной Европы XII-XIV вв.// Археологический альманах. № 7. Донецк.
- Евдокимов Г.**, 1990. Отчет Краснознаменной экспедиции 1990 г.// НА ИА НАН Украины, ф.е.1990/12.
- Евдокимов Г.Л., Симоненко А.В., Загребельный А.Н.**, 1975. Отчет о раскопках курганов у с.Астахово Свердловского района Ворошиловградской области в 1975 г.// НА ИА НАН Украины, ф.е. 1975/50.
- Евдокимов Г.Л., Купрій Н.М.**, 1991. Нові половецькі святилища Північного Причорномор'я XI-XIII ст.// Золото степу. Київ; Шлезвіг.
- Ермоленко Л.Н.**, 1994. О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями// Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. Кемерово.
- Ермоленко Л.Н.**, 2004. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск.
- Комар А.В.**, 2009. Курганы VIII в. у села Астахово// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.7. Хазарское время. Донецк.
- Кондаков Н.П.**, 1892. История и памятники византийской эмали. СПб.
- Кореневский С.Н., Андреева М.В., Ульянова О.А.**, 1988. Раскопки Ставропольской экспедиции// АО-1986.
- Кубарев В.Д.**, 1984. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск.
- Плетнева С.А.**, 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып.Е4-2.
- Пустовалов С.Ж.**, 2012. Половецкое святилище у села Выводово// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.10. Половецкое время. Донецк.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Швецов М.Л.**, 1979. Половецкие святилища// СА. № 1.

Summary

A.V.Yevglevsky, N.M.Danilko (Donetsk, Kiev, Ukraine)

CULT COMPLEX OF POLOVTSIAN TIME ON RIGHT BANK OF DNIEPER RIVER

The paper presents a cult complex of the late nomads excavated in 1990 in a barrow on the right bank of the Kakhovka water basin in the Lower Dnieper reaches near Novoaleksandrovka village. The monument is a square (3.9×3.9 m) pit dug out in the barrow top, in which two male and two female sculptures facing the NE were set up vertically along the NW-SE line. After the object stopped functioning, the upper parts of the sculptures were broken off and tumbled down, and the pit was tightly tamped with stones and ground.

The monument is unique since it is only the second occasion when four sculptures were discovered in a sanctuary of the Polovtsian time, and the only one when all of them have been preserved relatively well. This permits not only to definitely attribute them to a certain type of Turkic sculpture, but also to trace the details of their iconography, the typology of inventory objects. On the basis of the outline, relief, posture, iconography represented on the sculptures, and also the peculiarities of the complex layout, the date of making the sculptures (the 2nd half of the 12th century) and the time of "burying" the complex (the 2nd half of the 12th – the early 13th century) have been proposed.

Статья поступила в редакцию в декабре 2011 г